

НОВОЕ ВРЕМЯ

Маркс —
основоположник
научного
антисемитизма

50

декабрь 1993

ВЫБОРЫ В РОССИИ:

попробуем
ЖИТЬ
как
люди

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Метаморфозы Рудольфа Хачатряна

Ольга Кучкина

Концерт «Соби» устроил в Москве три праздника: концерт Мстислава Ростроповича с Национальным симфоническим оркестром США на Красной площади и концерт Майи Плисецкой в Большом театре. Третьим — стала ретроспективная выставка Рудольфа Хачатряна в Центральном доме художника. Такова марка. И вот вы и вот он, Рудольф Хачатрян, разноликий мастер, сотканный из напряженного, неостановимого труда и озарения, работник, вышедший на сотворение собственного мира. Вас позвали разделить обретение красоты и Бога, трагическое мироощущение и любовь, вечность и движение времени. Представленное громадно. Не только по количеству левкасов и картонов. Ваше соотношение с содержанием потребует серьезной душевной и духовной отдачи, и не всегда только тихая чистая радость будет вашим спутником, возможна и усталость, как бывает в результате длинного пути. Не все вы расскажете себе в словах. Образы останутся с вами. В вас прорастет неназываемое, быть может. И быть может, вы почувствуете, что изменились. Разговор с художником не облегчает пути, но продлевает его.

Автопортрет с трубкой, 1983 г.

Он видел Бога наяву

— Я хочу начать не с первых, а с последних вопросов. Сегодня, после двух инфарктов, после открытия этой гигантской выставки и какого-то жизненного рывка, что, вы думаете, является для человека самым главным на земле? — Вера в Бога. Я всегда так думал и теперь думаю. Не там где-то, а он везде, и в себе надо его видеть. Так получилось, что я в 13 лет наяву видел Бога.

— Как это было, вы можете рассказать?

— Это долго.
— У нас есть время.
— В Ереване мы жили в коммунашке, если помните рисунок, где печь стоит...

— Помню, рядом с рисунком этого чудесного башмака.

— Да. Я жил с отцом, матерью и братом на первом этаже с одним маленьким окошечком, когда его закрывали, у нас просто тьма была. И, когда гасили свет, полная тьма. Я спал и ночью проснулся вдруг и увидел прямо перед собой в пространстве Бога, по-другому я не могу сказать, фантастический свет и всё-всё,

до микроскопических подробностей видно, до волосков на коже, и взгляд на меня. Я сейчас же закрыл лицо одеялом и стал шупать себя, глаза открыты, боль ощущаю от шипков. Снова откинул одеяло, он смотрит. И я в первый раз слышу звук своего сердца. Как молоток бьет внутри, такой шок невероятный. Я натянул одеяло и долго так лежал, пока не пришел в себя, пока звук сердечный не ушел. И в третий раз откинул одеяло — и опять его увидел. И тогда страшно закричал. Мать кинулась: что случилось? Я мальчик замкнутый и сильный по природе, по характеру, никакой сентиментальности. Я ничего не сказал. Так, ничего-ничего. Мать подумала, что я во сне кричал. Но я больше не мог спать и долго был в этом состоянии. Утром, когда встал, я прямо матери сказал: «Мама, я видел Бога, поэтому так кричал». Я рисовал лет с 5-ти, но после этого началось совсем другое рисование. В 14 я нарисовал эту печь, я сейчас смотрю на эти драпировки, печь, башмак и сам удивляюсь — в этом возрасте так не рисуют.

Художник уверен — это было его рождение как человека. Он думает, что, когда мы рождаемся, мы этот шок, когда кричим, не ощущаем и не помним. А в сознательном воз-

расте, если с тобой происходит шок и ты кричишь, значит, ты родился как личность.

— Когда вы сказали, что видели каждый волосок в этом фантастическом свете, мне сразу представились ваши работы: и портреты дочерей, и портрет жены художника, и сухие букеты, где именно каждая травинка, каждый волосок, каждая морщинка выписаны...

— Чтобы свет был. Чтобы я получил свет.

Даже у вора в законе больше образования, чем было у нашего художника

— Ваша манера рисовать шла от учителя или от природы?

Своим единственным учителем он называет Ерванд Кочара, создателя художественного принципа «живописи в пространстве», проведшего молодость в Париже и репрессированного по возвращении на родину.

— От моей природы. Меня не учили рисовать — я учился рисовать. Выразить себя в искусстве честно — это и есть школа. Кочар — мой духовный учитель. Мы были друзьями, хотя ему было 52, а мне 15. Я рисовал стариков, сидевших на скамейках в саду около оперы. Они

Фома Неверующий, 1989 г.

меня даже не замечали, а я быстро-быстро делал сотни набросков. И вдруг слышу: кто-то дышит за моей спиной. Я был гордый, не любил, когда ко мне внимание проявляли. Обращаюсь: необыкновенное лицо у человека. Он меня спросил, где я учусь. А меня только что из училища выгнали. А до этого всего четыре класса школы. В моем поколении даже у вора в законе больше образования. Я не терпел никакого насилия, в этом все дело. Поэтому не мог учиться, дрался, выглядел хулиганом. Всем так казалось, они недопоняли меня. Но эти понятия давят. Я ощущал это, я должен был сохранить свое «я». Брат против меня, родители против, учителя против. А я уверен был, что я — художник. Что я — другой. Ударов было много. Один: мне 4 года, и мать, разбудив брата, дала ему шоколад, а мне не дала. Я сделал вид, как будто сплю. Я мать очень любил, но всю жизнь это помню. В 11 лет отец ударил по голове меня, спящего, за мою любовь невероятную. Я не помню, что я был мальчик. Я сразу был серьезным. Обо мне говорили: он родился с бородой. И я в 11 лет, аскетический ребенок, полюбил взрослую женщину. Но мою свободу я сохранил. Удары не могли проникнуть внутрь и что-то там травмировать. Я оставался очень здоровым внутри. Когда Кочар посмотрел мои рисунки, он закричал: «Леонардо жив!» Я первый раз услышал это имя, я думал, я рисую, как Репин, а оказалось, это более высокие классиче-

ские начала. Я обалдел, когда он принес мне в первый раз книги Леонардо, и я увидел леонардовские драпировки, а я помню, как поднимался по лестнице на антресоли и развешивал их. Но что интересно — писал их в возрасте, а я так рисовал мальчиком.

«Когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки...»

Жизнь Хачатряна делится на десятилетние циклы. Так распорядилась судьба. 50-е годы — юность, реалистический рисунок. 60-е — модернизм, начало той манеры, которую он называет «открытыми формами». 70-е — московский период, возвращение к юношескому рисунку на бумаге, но в ином качестве. 80-е — открытие: рисунок на левкасе. 90-е — лондонский период, возвращение к открытым формам молодости.

Он всегда искал формулу человека. И нашел в открытых его формах — в прямом смысле открыл человека, пластически вторгся внутрь, в самую материальную ткань. Это постепенное разрушение человеческой плоти, преобразование человека из знакомого, видимого нами существа в нечто совершенно иное составляет загадку художника и может отринуть соглядатая и позвать с собой сочувствующего, с-путника.

— На самом деле это все реализм. Но это духовный реализм. Я открыл искусство, каким оно будет, может быть, через сто лет. Посмотрите, египетское искусство — оно закрытое. Силуэтное мышление. Фараон сидит, плотно сжавшись, в его пространство нельзя войти, между руками и телом нет просвета. Это мистика. Что сделала античность? Открыла пространство между руками, ногами, создала движение. Пространственное мышление. Разница между египетским искусством и античностью — века. В XX веке появился рентген, мы уже вошли внутрь человека, мы открыли его взору. Не желудок, не сердце, не это нас волнует, человек в философском смысле стал открытой формой, и я показываю это в своем искусстве.

Большой цикл последнего периода называется «Метаморфозы». Художника, признавшегося, что всю жизнь читает одну книгу — Библию, сильно задел тот фрагмент в Еванге-

Портрет сына, 1986 г.

лии от Фомы, в котором говорит-ся: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону... когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, и образ вместо образа, — тогда вы войдете в царствие». Второй важный для него фрагмент из Евангелия от Филиппа: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того как она отделилась от него, появилась смерть. Если она снова войдет в него и он ее примет, смерти больше не будет». Это последнее можно понимать как любовь. Любовь побеждает смерть. Время превращается в вечность. Но художник видит вещи, в том числе философские, пластично.

— В философском смысле что самое важное в изобразительном искусстве? Создать время. Время — это идея, которая мучила в XX веке многих художников.

— Создать или запечатлеть?

— Запечатлеть и создать. Из

двухмерного измерения Ренессанс создал трехмерное, открыв перспективу. А время? Мы его не видим, но оно ведь тоже существует. Как четвертое измерение. Художники начали видеть его, создавать механическое время, как и мой учитель когда-то в Париже. Я открыл, что время можно передать, показав взрослого человека, носящего в себе ребенка, каким он был прежде. Два образа в одном. Вот ребенок хочет поймать бабочку, а мать спит. А вот ребенок смотрит в зеркало, и взрослый смотрит в зеркало. Когда два возраста, два состояния в одном, туда уже входит время. Отсюда переход от двоединства разных фигур: мать и дитя, влюбленные, муж и жена — к двоественному состоянию одного человека.

— Мы носим в себе не только детство, но и не узнанное нами в реальной жизни наше продолжение и наше окончание...

— Может быть, поэтому мои фигуры стали умножаться. Это пришло после инфаркта. Я ничего не могу решить умом, все проис-

ходит само собой. Я не могу забыть, как Кочар, посмотрев мои маленькие пейзажи, помнит на выставке, сказал: умирай, умрешь сейчас и останешься в армянском изобразительном искусстве как прекрасный график. А мне было тогда 18 лет. Сейчас я Кочара понимаю, почему он так говорил. Это законченный мир. По культуре и мастерству, я могу смело это сказать. Но мое «я» двигается, и я вижу его.

Реализм в том, чтобы обнаружить скрытую реальность

— Стало быть, либо развиваться в одном качестве, либо менять качество?

— Нет. Надо родиться еще раз. Есть люди, которые рождаются много раз. Вдруг становится скучно и тесно, места себе не находишь. Судьба меня ведет. Я должен был влюбиться в Наташу и приехать в Москву в 70-е годы. Хотя все страшно сложно было, потому что я люблю детей. Но я должен был уехать из Еревана. И это удивительная вещь, как я попал в Лондон и как работал там. Это ведь не то, что я подумал: а ну-ка, что там последнего в модернизме? Нет, мои открытые формы, которые жили во мне все эти годы своей подсознательной жизнью, вдруг получили импульс, мне стал скучен любой реализм. Я в Лондоне жил не 3 года, а, наверное, 40 лет. Сгущенное время. Я сделал 800 работ! 200 из них уничтожил. Конечно, о 15–20 сожалею. Я говорил недавно другу-скульптору, который приезжал туда: никто не понимает, что такое день, это огромное время, знаешь, сколько можно сделать за день. Секунда стала для меня огромной, как час, пространство времени увеличилось в масштабе.

Возможно, они связаны, увеличение масштабов времени и умножение фигур на левкасах Хачатряна, производящих странное, завораживающее воздействие на вашу психику, когда вы из множества образов, составляющих как будто некие соты, пещеры, начинаете видеть род праматерии, творимой духом. И тут художник рассказывает мне о своей детской фантазии, когда маленький аскет, любя взрослую женщину, хотел жить с нею подземной жизнью, и жил в мечтах именно в подземных пещерах. Поистине таинственное дело — человеческая психика. Что трансформирует она в творчестве?

Всеволод, сын Наташи, усыновленный Рудольфом, сам художник, говорит, что сегодня, когда твер-

дят о кризисе, о коммерциализации изобразительного искусства, вот человек, который не ломается и не идет на компромиссы, включая финансовые: будучи одним из самых богатых художников в Москве, имея большое количество заказов, все бросил и начал другое.

— Я остров. Меня со всем миром связывают Наташа, Сева. Во мне все время подсознательно идет работа. Поэтому я говорю, по крайней мере, о двух состояниях. Реализм не в том, чтобы подражать природе, а в том, чтобы обнаружить спрятанную вещь, которую мы не видим. Я формалистом себя не ощущаю, я не люблю формализм. Когда подражают природе — это еще не искусство. Это способность. Я никогда не подражал природе, даже в детстве.

— А когда рисовали ваш замечательный башмак?

— Это не подражание. Я видел чудо в башмаке. Если не видишь чуда, ты не художник. Вся разница в этом. Настоящим творцом становишься тогда, когда ты создаешь нечто другое, чего нет в природе, но оно так же закономерно, в нем та же грамматика, что и в видимом мире. Вот тогда ты творец. А до этого ты талантливый, ты способный, ты обещающий, но...

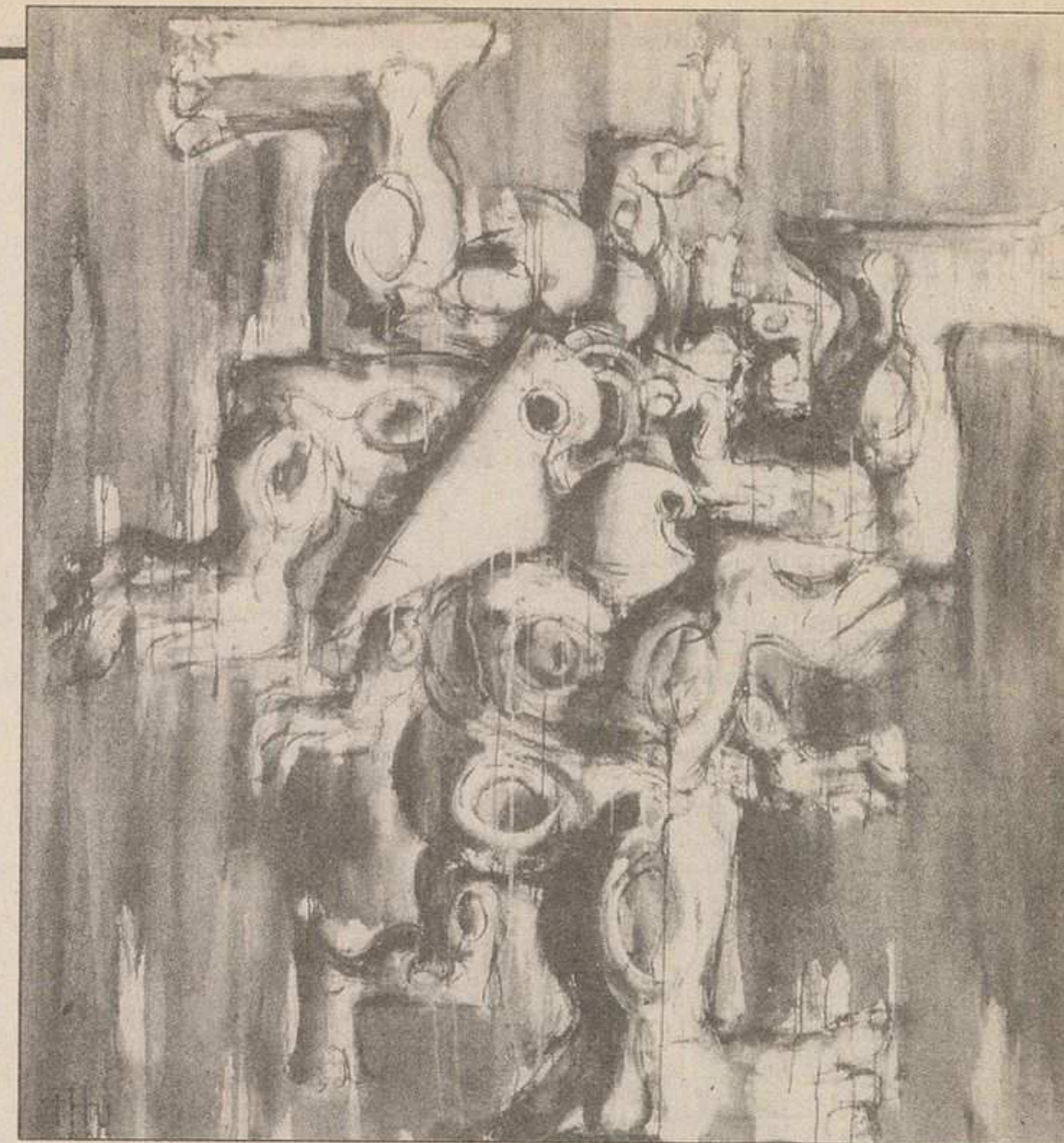
Он — тот Адам, который стал человечеством

— Два инфаркта — плата за сопротивление, с которым приходится жить в этом мире, или наказание за что-то?

— Я всегда жил во вред здоровью. Курить вредно, выпить вредно, друзей принимать вредно, мало спать, много работать вредно. Но что удивительно, я в десять раз лучше себя почувствовал после, чем до инфаркта. Я бросил курить и испытывал невероятный подъем. Я вспоминаю мои 15–16 лет, я мог рисовать без перерыва 20–22 часа. Я по 30 километров ходил. Я делал такие физические упражнения, силовые, как в юности, а мне уже было 55. И через 7 месяцев — второй инфаркт. Тогда стало хуже, отек легких, одышка, я понял, что там умру, что надо ехать в Москву. И приехал. Здесь меня вылечили.

— События, связанные с Карабахом, с землетрясением в Армении, вы пережили здесь?

— Когда землетрясение было, я полетел в Леникан. Оттуда улетал больным человеком. Я не мог слышать эти звуки живых погребенных людей. Мои друзья

Период «Метаморфозы», фигура III, 1993 г.

оттуда меня отправили, берегли меня. Один из них — философ Левон Абрамян. В 1988 году я открыл персональную выставку в Ереване. Хотел поднять дух моего народа. Все сделал за свой счет, а то, что заработал, отдал карабахцам.

— Карабах отразился в вашем творчестве?

— Тематически нет, духовно да. Человеческая трагедия существует всегда, она существовала и до Карабаха, и я ее остро ощущал. Трагедия уже дана человеку. И потом, я армянин. Геноцид, он в крови сидит. Я никогда не хотел быть внешне национальным художником. Что в художнике национального? Пластика, пропорции. Эти горы, эти деревья, эти люди, эти страсти. Все начинается с национальной культуры, а потом оказывается, что это мировая культура. Я помню, как удивился, однажды почувствовав японское искусство родным. Я и итальянец, и француз, и черный человек — тоже я, и Пикассо, и первобытный человек. Я художник, я должен всё в себе носить. Я же — не я. Я — всё. Я — тот Адам, который стал человечеством. Если это человечество заново собрать, один Адам и получится.

— Как вы отнеслись к тому, что стало происходить в СССР, России, Армении?

— Это должно было произойти. В Апокалипсисе всё написано. Давно всё назначено было.

— Вы смерти не боитесь?

— Нет. Я просто думаю о близких. Они меня потеряют, а их не потеряю.

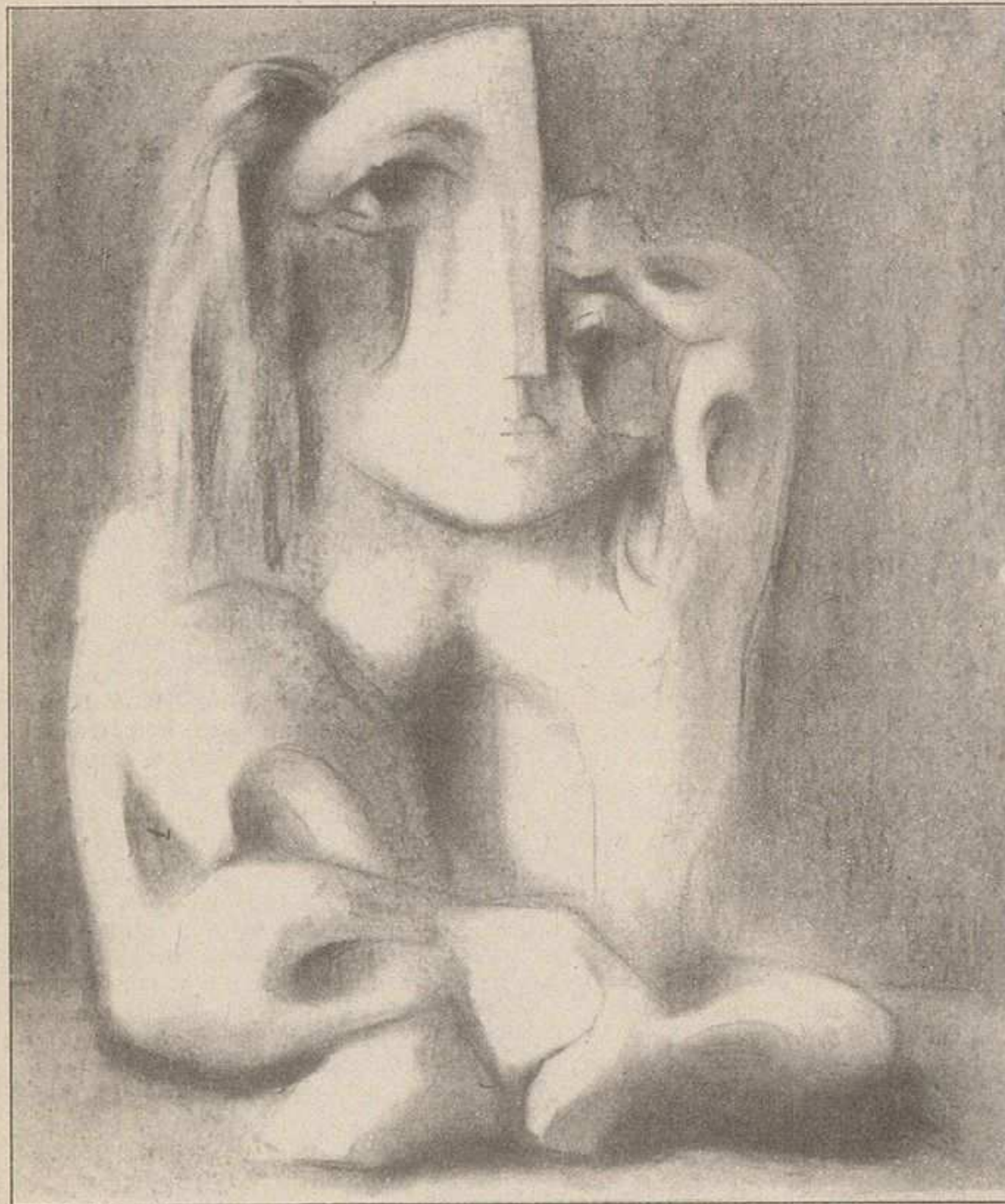
— Вы счастливый человек?

— Да. Вот сейчас. Если бы не было лондонского периода, я не был бы счастливым человеком.

— А разве, когда вы сделали тот башмак или маленький пейзаж, вы не были счастливы, что вы испытывали, вспомните?

— Любовь. Это все любовь. Невротная любовь в видении. Это другое счастье. Я всегда чувствовал, что тот мир, который во мне, он еще не выражен. А теперь я пришел на выставку — у меня же нет места в мастерской, где бы я мог это все увидеть. Самое большое счастье для художника — увидеть все. Мне понравилось. Значит, я правильно думал. Первый раз такое чувство.

Открытие человека под своеобразным знаком хачкара (каменного креста) в специальном изображении — (Р.Х.) в Доме художника на Крымской набережной продолжается.

Период «Двоединство», фигура V, 1990 г.

RUSSIAN WEEKLY NEWSMAGAZINE

№ 52

DECEMBER 1993

NEW TIMES

INTERNATIONAL

REFUGEES:
the road to
nowhere

ISSN 0206-1473
ИНДЕКС 70622

The Metamorphoses of Rudolf Khachatrian

The Soby concern has sponsored three festivals in Moscow. One was the recital Mstislav Rostropovich gave on Red Square with the US National Symphony Orchestra, the other that of ballerina Maya Plisetskaya at the Bolshoi. The third was the retrospective exhibition of Rudolf Khachatrian's work at the Central Artists' House. He is a master of many faces, a man of vision and intensive non-stop labour, the creator of his own world. The viewer is invited to share in this possession of beauty and godliness, in this tragic sense of the cosmos and love, of eternity and the movement of time. The display is truly vast, not only in the number of items shown. The visitor must engage in serious spiritual and mental work, yet not always will quiet and pure joy be companion. One may feel tired as after a long journey. Though one will fail to convey everything in word, the imagery will remain. The unnamed will spring up within one and perchance one will feel one has changed.

He saw God

Iwould like to start my interview with questions one usually asks at the end. Today after two heart attacks, after the opening of this stupendous exhibition, and after this turning point in life, what do you as artist think paramount for man on earth?

Belief in God. I have always thought so and I have not changed my opinion. He is not somewhere but is everywhere. One must see Him in oneself. It so happened that at the age of 13 I myself saw God.

In Yerevan we lived in a small room. You might recall the drawing that shows a stove.

Yes, I remember it. It was next to that wonderful shoe.

Yes. I lived with father, mother and brother in a ground floor room with one small window. When the blinds were pulled down, and especially when the light was switched off we were in total darkness. I was asleep, when one night I suddenly awoke to see God right in front of me. I can't put it otherwise. These was some fantastic light and I could make out everything down to the minutest detail, the hairs on the skin, and the look at me. I dove under the blanket and began to pinch myself. My eyes were open and I could feel the pain from the pinching. I threw off the blanket and saw Him looking. For the first time I heard my heart thumping; I again pulled the blanket over myself, and lay there for quite a while until I came to and that hammering in my heart stopped. I threw aside the blanket for

a third time and again saw Him. Upon which I cried out. Mother rushed to me to ask me what had happened. An introvert, I have a strong character without no sentimentality and I said nothing. Mother thought I had been crying in my sleep. However, I could no longer get to sleep, and for a long time lay like that. When I got up in the morning, I told mother straight out: "Mum, I saw God, and that is why I cried." I had been drawing from the age of five, but after that I drew things that were quite different. At the age of 14 I drew that stove and as today I look at these blinds, the stove, and the shoe I marvel to myself since nobody draws like that at that age.

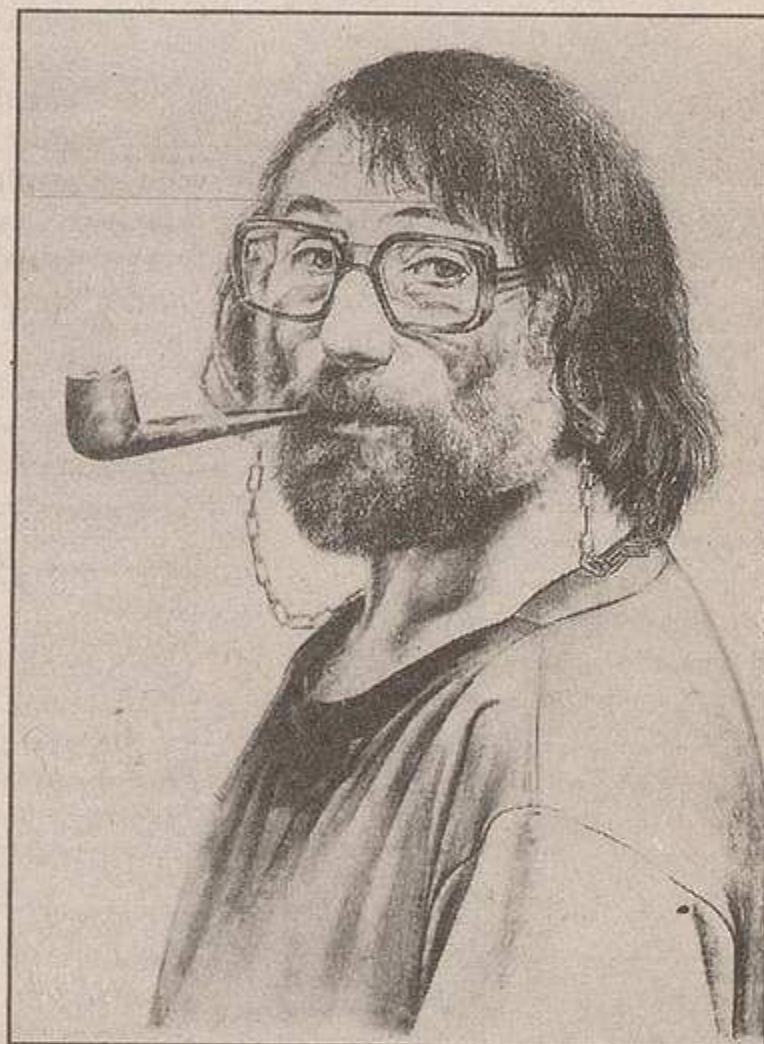
When you said you saw each hair in this fantastic light, I at once imagined your efforts, the portraits of you daughter, or of your wife, or those dried flowers, in which each blade, each hair, each wrinkle is pictured.

Provided there is light. Provided I get that light.

Even a thief may be better schooled than this artist

Does your style come from a teacher or from nature?

From my nature, I was never taught to draw, I just learned to draw. To honestly express oneself in art is precisely that school. Kochar the founder of the artistic principle

Self-portrait with a pipe. 1983

"drawing in space," is my spiritual mentor. We were friends, even though he was 52 and I only 15. I was drawing some elderly folk seated on benches in the garden near the opera house. Suddenly I felt somebody breathing down my neck. I was a proud boy and didn't like to be pointed out. I turned around and saw a very strange face. He asked me where I was studying. But I had just been expelled, while before that I had but four years of schooling. In my generation even a thief is better schooled. The trouble is that I could not brook violence.

That is why I couldn't study, why I fought, while I was seen a hoodlum. That was what everyone thought. They couldn't understand me. Their understanding weighed down heavily on me and I felt that, as I wanted to be my own man. My brother was against me, my parents were against me, and my teachers were against me. But I was absolutely sure that I was an artist, that I was different. I suffered many knocks. I don't remember having ever been a kid, I was grave, stright from the beginning. They said I had been born bearded. At the age of 11 I, an ascetic kid, fell in love with a

grownup woman. However I stayed free. The blows did not dig into me, did not injure any thing inside. I remained healthy inside. When Kochar saw my drawings, he shouted: "Leonardo lives!" That was the first time I heard the name as I had thought I had been drawing like Repin. But it transpired that this was a yet higher classical rating. I was stupefied when for the first time he showed me a book about Leonardo and I saw the drapery. I recollected how I had climbed the ladder to the entresol and had hung it up. Curiously enough Leonardo had drawn that when a man. But I had drawn that when yet a boy.

When one makes an eye instead of eyes and a hand instead of hands...

Khachatrian's biography breaks down into decade-long cycles. Such was his destiny. The fifties were the time of his youth and realistic drawing, the sixties the beginning of the style he calls "open forms." The seventies were his Moscow chapter, his return to his youthful drawing again on paper but of a different quality. The eighties were the time of his discovery, his drawing on gesso. The nineties were his Londong period, a reversal to the open forms of his youth.

Actually it is all realism. However, spiritual realism. I opened up an art that will come in perhaps a hundred years from now. Look at Egyptian art. It is closed art. It is silhouetish. The Pharaoh is seated contracted. One cannot enter his dimension as there is no space between arm and body. That is mysticism. Antiquity opened up the space between arms and legs and created movement. This was a spatial mentality. The difference between Egyptian art and Antiquity took centuries. The twentieth century introduced the X-ray and we could now open up the body. It is not the stomach or heart that interests us, but the circumstance that in the philosophical sense the human being has become an open form. This is what I depict in my art.

The big series of his latest period is entitled *Metamorphoses*. The artist, who confesses that throughout life he has perused but one book, the Bible, was greatly moved by the Gospel text according to St. Thomas which says that when one makes one out of two when one make the inner the outer, and the upper the lower, when one makes an eye instead of eyes, a hand instead of hands, a leg instead of legs, and an image instead of images, then one enters the Kingdom. The second significant Gospel excerpt is according to St. Philip, who observed that when Eve was inside Adam death was unknown, but appeared after she separated from him, and that if she again entered him and he accepted her, death would go. The last may be understood as love, as love vanquishing death.

What is of paramount importance in the visual arts philosophically? The creation of times.

To create? Or to depict?

Both. The Renaissance transformed the bi-dimensional into tri-dimensional, opening up the perspective. But what about time then? We cannot see it. It nevertheless exists. As a fourth dimension. Artists have begun to see it and to create mechanical time as my teacher once did in Paris. I discovered that time could be conveyed by portraying an adult carrying within himself the child he had once been. Two images in one. There the child wishes to catch a butterfly but the mother sleeps. Or there the child looks in a mirror and the adult also looks in a mirror. When you have two ages, two states in one, you already have time.

We carry within ourselves not only our childhood, but also our continuation and our ending, that are unknown to us in real life...

That could be. That is why my figures multiply. That occurred after my heart attack. I can solve nothing in my mind as everything comes of its own accord. I cannot forget how Kochar, having viewed my little landscapes, remember at the exhibition, — said: If you were to die now you would remain in Armenian visual art as a splendid graphic artist. I was only 18 then.

Realism derives from discovery of the hidden reality

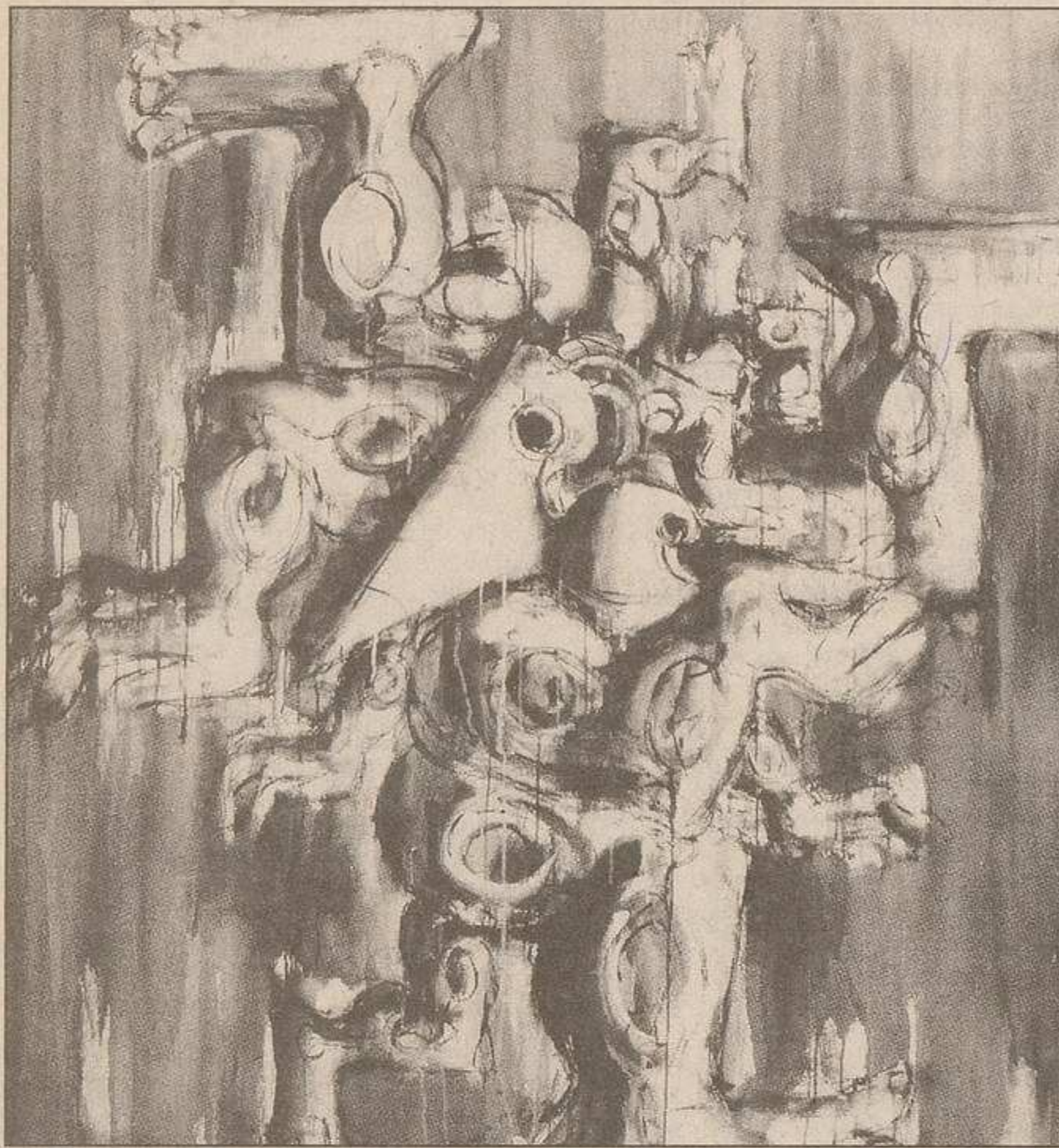
Does this mean either developing one quality or changing that quality?

No, one must be born again. Some are born time and time again. Suddenly life becomes boring, compressed, and one feels at a loose end. It's my destiny that leads me. I had to fall in love with Natasha and come to Moscow in the seventies, although everything was so terribly difficult. I had to do that because I adore children. I had to leave Erevan. It's also amazing how I found myself in London and how I worked there. After all, it wasn't what I had thought, what modern art had produced as its most recent discovery. Nothing of the sort. It so happened that my open forms that had been with me subconsciously all these years suddenly received an impetus and every realism bored me. In London I lived not three but I think, forty years. This was compacted time. I produced some 800 pieces, 200 of which I destroyed, though of course there are some 15-20 I regret.

Perhaps the increased temporal scope and the multiplication of figures on Khachatrian's gessesoes are interlinked. They generate a strange captivating impact, when from a multitude of images that comprise honeycombs and caves, one begins to see

The Doubting Thomas. 1989

The Metamorphoses period, figure III. 1993

the clan of protomatter that the spirit creates. The human psyche is truly a mystery. What does it transform in creative art?

Natasha's son Vsevolod, whom Rudolf adopted and who is himself an artist, says that today when people talk of the crisis and the commercialization of the visual arts, there is a man, who does not bend and does not compromise, even in the financial sense. Though one of the richest of Moscow artists, with many orders, suddenly he chucked up everything to start anew.

I am an island. Natasha and Vsevolod provide the bridge between me and the entire world. My subconscious keeps working all the time. Which is why I speak at least of the two states. Realism is not copying of nature, but disclosing the hidden that we cannot see. I do not see myself as a formalist at all: in fact I detest formalism.

But when you drew your magnificent shoe?

That was not imitation. I saw the miracle in the shoe. When you cannot see the miracle you are not an artist. That is the entire difference. One becomes a real creator only when one produces something different that does not exist in nature, but that is as logical and employs the same grammar

as the visible world. Only then is one creator...

The Adam that became the human race

Are your two heart attacks the price you have to pay for the resistance with which you have to live in this world, or punishment for some sin?

I have always lived in detriment to my health. It is detrimental to smoke, to drink, to receive friends, to sleep but little and work much. The surprising thing is though that I felt ten times better after my heart attack than before it. I quit smoking and sensed an incredible uplift. I recalled that when 15-16 I could draw without stopping from 20 to 22 hours running. I used to walk some 30 kilometres. I did the same physical exercises I did as a young man, though I was already 55. However, seven months later I had my second heart attack. I grew much worse had difficulty breathing, and realized that there I would die, that I had to come to Moscow. And so I came, and here I was cured.

So you experienced the Karabakh events and the Armenian earthquake over here?

When the earthquake struck I flew to Leninakan, but came back ill. I couldn't listen to the sounds of the buried living. Friends sent me off, taking good of me. One was the philosopher Levon Abramian. In 1988, I opened a one-man show in Yerevan, wishing to lend my people courage. I did everything at my own expense and everything I earned I donated to the people of Karabakh.

Is Karabakh reflected in your work?

Thematically no, but spiritually yes. The human tragedy has always there, even before Karabakh and I keenly sensed it. Tragedy is given to man. Then I'm Armenian. The genocide is in the blood. I never wanted to be an outwardly national artist. What is national in the artist? The plasticity, the proportions. These mountains these trees, these people, these passions. It all starts out with national culture but then it appears to be world culture. I remember how surprised I was when I once felt kin with Japanese art. I am an Italian and am a Frenchman and the black man is also me as well as Picasso and the caveman. I am an artist and I must carry everything within myself. I am not me. I am everything. I am the Adam that became the human race. Indeed, if we were again to gather this human race together, we would have just the one Adam.

What do you think about what has happened in the USSR, Russia and Armenia?

It all had to happen. It's all set down in the Apocalypse. It was all destined long ago.

Are you afraid of death?

No. I simply think about my near ones. They will lose me, but I will not lose them.

Are you a happy man?

Yes. Right now. If not for the London period I would not be a happy man.

But when you produced that shoe or that little landscape weren't you really happy? Do you remember what you felt?

It was love. It was all love. An incredible love for what I perceived. That is another kind of happiness. I always sensed that the world in me had yet to be expressed. Now I have come to this exhibition, - I after all, had no room in my studio that would allow me to see it all. The greatest happiness an artist can feel is to see everything. I liked it. Which means my head is screwed on the right way. It is the first time I feel this.

The discovery of a man beneath the unusual symbol of the khachkar, a stone cross, in its special personal representation at the Artist's House in Moscow continues.

Olga Kuchkina

NEW TIMES
INTERNATIONAL

строительный дом becar

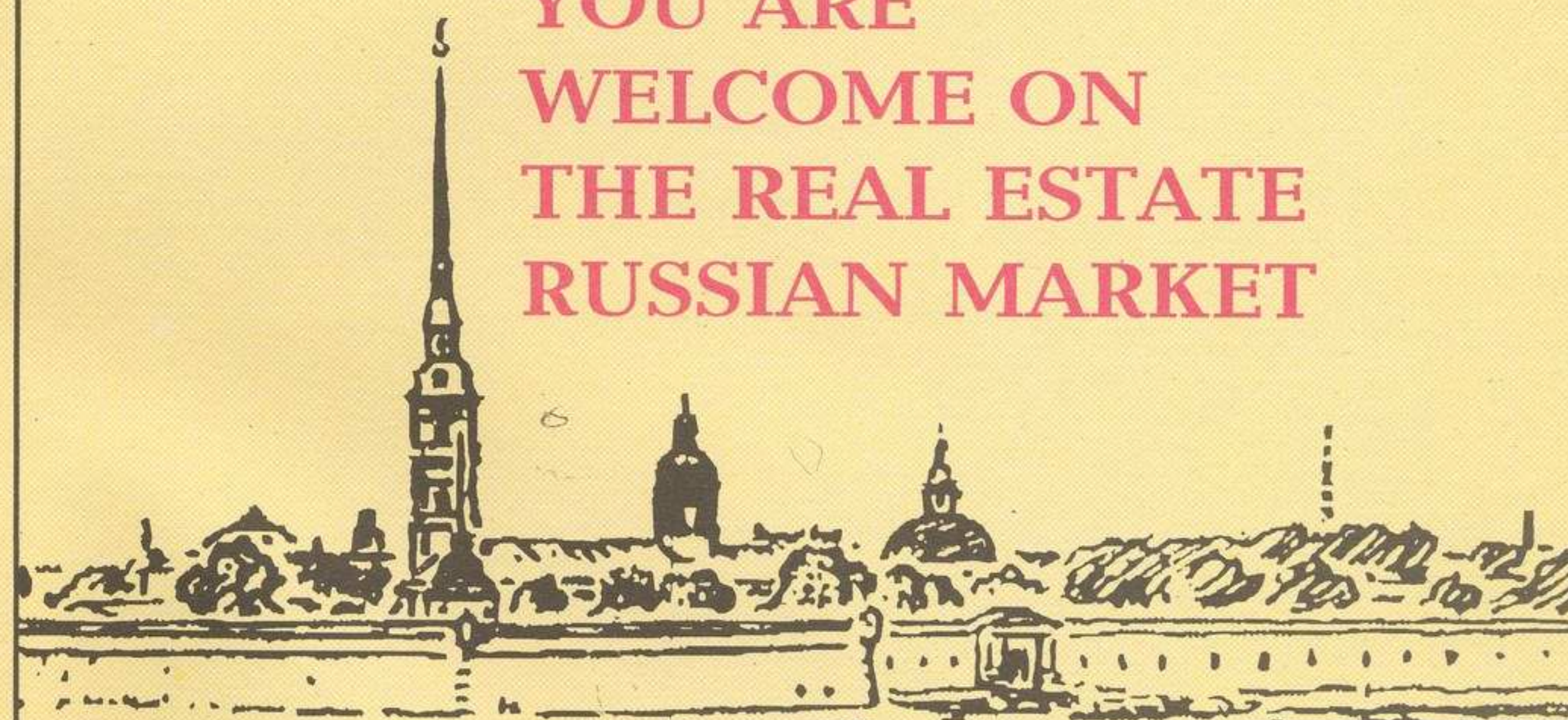
- established in May 1992
- the major Real Estate Company in St. Petersburg, Russia
- independent professional firm

We cover:

- buying and selling of appartments & bouses all around St. Petersburg
- the most convenient rent possibilities in St. Petersburg & its suburbs
- real estate operations on behalf of foreign companies in Russia
- consulting services in economics, finance, and investment policy
- all kinds of investments

Opening the perspectives of economic development of Russia for you, we are looking for business partners, investors and agents in your country.

**YOU ARE
WELCOME ON
THE REAL ESTATE
RUSSIAN MARKET**

строительный дом
becar

Phone: (7-812) 272-63-24
Fax: (7-812) 272-11-67

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Rudolf Khachatryan's Metamorphoses

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0193?lang=en>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Метаморфозы Рудольфа Хачатряна

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0193?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.